

**ПОДГОТОВКА К ШКОЛЬНОМУ ЭТАПУ  
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ  
ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ВАРИАНТ**

**11 класс**

**Часть I. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (30 баллов)**

**Прочитайте отрывки из эссе И.А. Бродского «Поклониться тени» и ответьте на вопросы после текста, подтверждая своё мнение примерами из поэтических текстов ценимых Вами поэтов, русских или зарубежных.**

Находясь в северной ссылке, Бродский прочёл в оригинале элегию английского поэта Уистена Хью Одена, посвящённую смерти великого ирландского поэта У.Б. Йейтса:

Time that is intolerant,  
Of the brave and innocent,  
And indifferent in a week  
To a beautiful physique,  
Worships language and forgives  
Everyone by whom it lives;  
Pardons cowardice, conceit,  
Lays its honours at their feet.

[Подстрочный перевод с английского:

Время, которое нетерпимо  
К храбрым и невинным  
И быстро остывает  
К физической красоте,  
Боготворит язык и прощает  
Всех, кем он жив;  
Прощает трусость, тщеславие,  
Венчает их головы лавром.]

*Иосиф Александрович Бродский (1940–1996)*

Я помню, как я сидел в маленькой избе, глядя через квадратное, размером с иллюминатор, окно на мокрую, топкую дорогу с бродящими по ней курами, наполовину веря тому, что я только что прочёл, наполовину сомневаясь, не сыграло ли со мной шутку моё знание языка. У меня там был здоровенный кирпич англо-русского словаря, и я снова и снова листал его, проверяя каждое слово, каждый оттенок, надеясь, что он сможет избавить меня от того смысла, который взирал на меня со страницы. Полагаю, я просто отказывался верить, что ещё в 1939 году английский поэт сказал: «Время... боготворит язык», – и тем не менее мир вокруг остался прежним.

Но на этот раз словарь не победил меня. Оден действительно сказал, что время (вообще, а не конкретное время) боготворит язык, и ход мыслей, которому это утверждение дало толчок, продолжается во мне по сей день. Ибо «обожеств-

ление» – это отношение меньшего к большему. Если время боготворит язык, это означает, что язык больше, или старше, чем время, которое, в свою очередь, старше и больше пространства. Так меня учили, и я действительно так чувствовал. Так что, если время – которое синонимично, нет, даже вбирает в себя божество – боготворит язык, откуда тогда происходит язык? Ибо дар всегда меньше дарителя. И не является ли тогда язык хранилищем времени? И не поэтому ли время его боготворит? И не является ли песня, или стихотворение, и даже сама речь с её цезурами, паузами, спондеями и т. д. игрой, в которую язык играет, чтобы реструктурировать время? И не являются ли те, кем «жив» язык, теми, кем живо и время? И если время «прощает» их, делает ли оно это из великодушия или по необходимости? И вообще, не является ли великодушие необходимостью?

Несмотря на краткость и горизонтальность, эти строчки казались мне невыносимой вертикалью. Они были также очень непринуждённые, почти болтливые: метафизика в облики здравого смысла, здравый смысл в облики детских стишков. Само число этих обликов сообщало мне, что такое язык, и я понял, что читаю поэта, который говорит правду – или через которого правда становится слышимой. По крайней мере, это было больше похоже на правду, чем что-либо, что мне удалось разобрать в этой антологии.

### **Вопросы:**

- 1. Согласны ли Вы с мнением Бродского, что язык древнее времени и является его хранилищем?*
- 2. Не очеловечивает ли Бродский время и язык, не делает ли он эти категории частью своего поэтического мифа? Постарайтесь сформулировать своими словами сущность поэтического мифа Бродского, подкрепляя своё мнение цитатами из его стихотворений.*
- 3. Приведите примеры поэтических строчек из произведений других поэтов, где понятия времени и языка соотносятся друг с другом.*

Объём ответа на каждый вопрос – 8–15 предложений.

За ответы на первый и второй вопросы выставляется от 0 до 12 баллов. А за ответ на третий вопрос – до 6 баллов.

Учитываются связность, доказательность, логичность, аргументация, язык и стиль, а также грамотность.

## **ЧАСТЬ II. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА (40 баллов)**

**Выберите вариант: прозаический текст или стихотворный.**

*Вариант 1. Целостный анализ прозаического текста*

*Михаил Михайлович Пришвин (1873 – 1954)*

### **ПРИРОДА НАУКУ ОДОЛЕВАЕТ**

С удовольствием иду я вечером на сход. Я как-то и раньше с трудом читал газеты и больше интересовался в них библиографией, но как теперь этот отдел во всех газетах очень запущен, то и не получаю совсем газеты, а урывками читаю, когда попадется листок, между тем в деревне кто-нибудь непременно читает и потом подробно рассказывает на сходке о всем важном. У меня вообще теперь такое чувство, что, будто, простой народ, несмотря на все жалобы, на действительно вялое дело школ, быстро догоняет нас в развитии. Во всяком случае, географию выучили отлично, разбираются в истории, в законах, теперь часто в беседах забываешься и не смотришь, как раньше, на них, как на детей. Хорошо ли, худо ли, вопрос отдельный, а только – плотина прорвана и вода прет. Несколько хороших книг из моей библиотеки редко залеживаются дома и ходят из хаты в хату, из деревни в деревню, среди этих книг есть, например, и такие, как Ключевский. Журнал «Красная Новь», высылаемый мне в двух экземплярах, совсем у меня не живет.

Вот из окна высовывается Елизар Наумыч и подает мне прочитанную им последнюю книжку журнала.

– Как вам понравилось стихотворение? – спрашиваю я, потому что стихотворение хорошее, о деревне, и сам поэт живет тут вблизи.

– Хорошо? – спрашиваю.

– Цветочки разные, – отвечает читатель, – я не знаю, зачем это нужно, это его домашние чувства.

– Чего же ещё вам нужно от поэта?

– Пользы.

Так и отрезал, а человек умный, придумчивый даже, но что с ним поделаешь, стихи не понимает! Я спросил про свое сочинение.

– Хорошо, только очень отдаленно, не подходит ли это у вас к чему-нибудь серьезному?

– Подходит, подходит, – бормочу я.

Туговато с новым читателем, все ищет пользы. А Горький очень понравился. Разбираюсь, почему же именно, и понимаю, что читатель-искатель сам себя узнает в авторе. Как и Горький того времени, он читает всякие научные книги, и каждый новый ему факт знания, вычисленный ученым, может быть, совершенно бесстрастно, чисто математически, у читателя окрашивается чувством какой-то особенной радости за науку и в ней чудится ему выход темному человечеству, в этой науке, открывающей и отдаленнейшую звезду. И как ни старался Толстой, образованному не приходит в голову простой вопрос, что другой читатель из той же науки, быть может, берет удушливые газы, и что тут дело не в самой науке, а в сердце читателя. Гениально изображен у Горького космический сумбур, поднятый в его голове чтением метафизики, и удивительно

сочетание в этом отрывке читателя, искателя и поэта. Из этого космического хаоса вырастает, конечно, страшный протест на обычные сказания о боге, острие ставится прямо к острию.

– Вы, должно быть, материалист? спрашиваю Елизара Наумыча.

– Ну, да, отвечает он, в бога не верю, значит, материалист.

– А кто же свет сотворил? спрашивает седой человек, подходя к бревну под окном Елизара Наумыча.

Бревно то самое, на котором в летнее время собирается сходка.

Задав свой вопрос, старик сел на бревно и дожидается.

А Елизар Наумыч выносит последний номер «Безбожника», который он получает с первого номера.

– Вот почитай, и узнаешь, кто сотворил свет.

– Ну, кто же?

– Попы.

А народ все прибывает и окружает безбожника. Так, подумаешь под углом средневековья, по мнению многих соответствующего нынешней жизни русского крестьянина, до чего же должно быть остро это вступление безбожника в среду, где никак не могут себе представить жизнь без хозяина, под исключительным управлением человека; казалось бы, за страшное кощунство безбожника мужики бы должны разорвать Елизара Наумыча, как они чуть не разорвали Горького за потребилку. Но вокруг одно только веселье...

Как это понять?

Мне рассказывал Горький, что ему в февральские дни привелось наблюдать в Петербурге такую сцену: под огнем пулемета с крыши солдаты как-то исхитрились пробраться на чердак и там захватить городского, казалось бы, только что рисковавшие жизнью солдаты должны были там же на чердаке разорвать городского, но все они вышли и с городовым, и с пулеметом как ни в чем не бывало, и все хохотали и, по словам Горького, сам фараон тоже хохотал...

Ну, как это понять?

А, может быть, смех и веселье во всяких положениях – природная черта гущи народной, не только нашей?

Особенно хохотали на сходе по поводу одного стихотворения, в котором все боги попали под телегу и сам бог-отец здорово поломал себе ребра.

Даже и тот старик много смеялся, пока, наконец, надумал спросить:

– А все-таки, кто же свет сотворил?

Но тут староста ударил палкой по земле, крикнул: «К делу!», и сходка стала заниматься трудным вопросом, кому загоразживать неогороду в три с половиной сажени.

Мы же с Елизаром Наумычем продолжали свой разговор.

– Вы, – спросил я, – совершенно в Бога не верите?

– Этому и невозможно верить.

– Но как же раньше-то, наверно, верили?

– Верил, что Илья по небу катается, и оттого гроза, а когда стал книги читать, узнал, что обман, и действует электричество.

Так мы беседовали, а сходка, решив вопрос о недогороде, вдруг перешла к живому вопросу, – как же все-таки праздновать Илью. Тут председатель Филипп Яковлевич и сделал свои необыкновенные разъяснения: оказалось, что по декрету все граждане могут в любое время устроить себе праздник: постановили на сходе, сделали выписку из протокола, на другой день пришли в исполком, там приклеили марку за тридцать лимонов, и все.

– Молись хоть луне, хоть чёрту, – сказал Филипп Яковлевич.

– И можно с попом?

– Ну, как же!

– А ежели он луне не захочет служить?

– Найдем другого, – всякие есть попы – и обязательно, чтобы плясал, так и будем просить, чтобы с плясом.

На этом и порешили с великим весельем.

Под конец сходки я спросил, почему это вышло так, в первое время революции сходка проходила с чередованием голосов, с записями, а теперь опять все забросили и стали брать криком, как в вечевые времена. Мне на это ответили:

– Природа науку одолевает.

И рассказали, как барин кота научил тарелки на стол подавать и как раз этот кот, завидев мышь, бросился за ней, и перебил все тарелки. И это значит, что – природа науку одолевает.

1925

## ***Вариант 2. Целостный анализ стихотворного текста***

*Бахыт Кенжеев (р. 1950)*

\* \* \*

Огонь свистящий и шипящий.  
Воды кипящей ореол.  
Землей могильной рот звучащий  
набит до самых альвеол.  
И вместо рифмы – парной, прямой –  
одни сомнительные сны –  
мост тоньше волоса над ямой  
непостижимой глубины...  
Очнись, не мудрствуя лукаво.  
Огонь – огнем, и дымом – дым,  
одним – прижизненная слава,  
и ясновиденье – другим.  
Тень сна с сияньем яви сложим –  
увидим снег, и облака  
с небесным ангелом, похожим  
на паука-крестовика.  
Он из земли, из крови влажной  
соткал спасительную сеть –  
скажи мне, как ему не страшно  
в бездонном воздухе висеть?

(1990-е)